

Что случилось с лучшим в мире образованием?

Ярослав Кузьминов,
ректор
Государственного
университета —
Высшая школа
экономики

Несмотря на запас прочности, оставшийся с советских времён, система образования сегодня находится в ненадлежащем состоянии. В этом ни у кого сомнений нет. Наши вузы перестали упоминаться в мировых рейтингах. Скажем, среди 200 лучших университетов мира числятся 10 китайских и лишь один российский — МГУ. Можно, конечно, сказать, что нас там специально «опускают», но вряд ли, допустим, тех же китайцев на Западе любят больше. По итогам исследований PISA, изучающих способности школьников применять знания на практике, мы постоянно занимаем последние места среди ведущих стран мира. То есть заучиваем знания, а применить не можем.

Структурно система образования совершенно дезориентирована. 30–40% студентов вузов даже не собираются работать по специальности, половина выпускников техникумов намеревается сразу же поступать в вуз и учиться ещё 5 лет. Спрашивается, зачем тогда поступали именно в техникум? Зачастую мы вообще готовим неизвестно кого. Есть в ПТУ такая замечательная специальность — обрубщик. Человек обучается тому, что с помощью зубила с грубо отформованного листа железа сбивает заусенцы. И это происходит уже в XXI веке! Центральная проблема российского образования — восстановление его нормального состояния, — нормального, приличествующего здоровому обществу.

Можно выделить три «зоны» наших отставаний, вызванных структурной дезориентацией системы общего образования.

Во-первых, в России сегодня общее образование представлено только 10–11-летней школой, дошкольное образование не обязательно. Этого уже не хватает для завершения социализации, приобретения достаточного багажа фундаментальных знаний. Особенно в области обществознания. Поэтому у нас программы вузов и техникумов включают до 30% предметов общеобразовательного цикла и продолжительность обучения в них дольше на 1–1,5 года, чем на Западе.

Во-вторых, очень хромает система профессионального обучения квалифицированных исполнителей. Система ПТУ «гонится за тремя зайцами», пытаясь одновременно решить задачи социальной поддержки, обучения профессиональным квалификациям и завершения полного среднего образования. В результате не догоняет ни одного. Работодатели не доверяют качеству выпускников, их доучивание происходит на рабочем месте. Прямые и косвенные затраты предприятий на подготовку специалистов на рабочем месте значительно превышают предлагаемые затраты на их подготовку в образовательных учреждениях.

И в-третьих, недостаточное сосредоточение университетов на исследовательской работе. В финансировании высшего образования за рубежом на исследования приходится от 25 до 35% ресурсов, у нас — меньше 10%. На Западе активные исследования ведёт 80–90% университетских преподавателей, у нас — около 20%. А ведь университеты не только часть инновационного комплекса любого общества. Сам университетский тип преподавания построен на производстве и передаче инноваций.

Реформа или модернизация?

Понятие «модернизация» применимо к процессам в образовании, осуществляемым государством, но оно не исчерпывающе. Модернизация должна ликвидировать моменты структурного отставания, архаичные моменты в образовании. Другие процессы всё же

предпочтительнее называть реформой. Это, в первую очередь, реформа организационно-экономических механизмов, на которых основывается образование и которые связаны с наибольшими социальными проблемами и экономическими потерями. Там модернизировать нечего — там надо менять. Присущие плановой экономике старые механизмы госзаказа и сметного финансирования учреждений в современных условиях служат только сохранению неэффективных образовательных программ. По отношению к ряду целей и процессов, идущих в нашем образовании, с большим основанием применим термин «восстановление».

Центральная проблема российского образования — это восстановление его нормального состояния, приличествующего здоровому обществу. Первое условие — возобновление эффективного контракта между обществом и преподавателем. Учитель, университетский педагог должны и в материальном, и в социальном плане перестать чувствовать себя ущербными, несправедливо вознаграждаемыми за свой труд. Выполним это условие — начнётся возрождение образовательного сообщества, обеспечивающего — независимо от государства и администрации — контроль за качеством образования, освоением инноваций, воспитанием молодёжи наряду с её обучением. Как это, кстати, происходит сегодня в других странах, как это было когда-то в Советском Союзе.

«В лобовую» эти задачи не решаются. Именно поэтому необходима быстрая и радикальная реформа организации и финансирования образования. Нужно мобилизовать все источники — и средства местного самоуправления, и средства семей, и средства предприятий. Но этого мало. Нужно сосредоточить финансирование на действительно эффективных программах, работающих на будущее страны.

Сегодня в России сложились очень резкие различия в доступе к качественному образованию. Такого не было в СССР,

подобных различий нет сегодня ни в одной капиталистической стране. Тому есть две причины: резкое имущественное расслоение населения, с одной стороны, и сильное недофинансирование учебных заведений — с другой. В результате последние вынуждены отбирать не столько способных учащихся, сколько тех, чьи семьи могут внести — в той или иной форме — вклад в финансирование образовательных программ. Происходит ползучая имущественная и кадровая стратификация вузов и школ: учебные заведения с большим бюджетом сосредотачивают у себя лучших преподавателей, а в тех школах и вузах, где не могут привлечь состоятельных граждан, постепенно снижается качество преподавания.

В обществе, построенном на частной инициативе, система образования обеспечивает равный старт для выходцев из разных по доходу семей. Ряд государств (например, США и страны Европы) идут дальше, создавая и финансируя специальные механизмы социального перемешивания, дающие преимущественные права на получение образования учащимся из социально неадаптированных, бедных слоёв общества. Такие механизмы существовали и в Советском Союзе. Можно вспомнить хотя бы рабфаки при вузах, дающие при зачислении преимущества детям рабочих и колхозников.

Учитывая вышесказанное, для России существуют три задачи: сохранить существующий масштаб охвата населения образовательными программами на высоком уровне, достигнутом к началу XXI века; обеспечить приемлемое качество образования во всех его сегментах; с учётом объективно существующего различия качества образовательных программ обеспечить равный доступ к этим программам учащимся из всех социальных слоёв.

Сколько стоит труд учителя?

Для этого нужно, во-первых, ликвидировать очаги псевдообразования, как злокачественную опухоль. Они дают мета-

стазы. Во-вторых, ликвидировать резкие различия в доступе к образованию.

И главное — поднять до нормального уровня оплату труда преподавателей. До того уровня, когда они смогут относиться к своему занятию как к творческому труду, не считая часы. В среднем по стране учитель за свой труд должен получать около \$500, доцент нормального вуза — до \$1000. И доцент исследовательского университета, который участвует в исследованиях, должен получать гранты — \$2500–3000. Это соответствует тем рынкам труда, на которых конкурируют эти преподавательские рабочие места.

Сегодняшняя символическая оплата труда учителей ни к чему, кроме двойного неблагоприятного отбора, не приводит. С одной стороны, в педвузы идут самые слабые выпускники школ, слабее идут только в некоторые технические вузы. В свою очередь из педвузов в школы идут только те, кто не смог устроиться на более оплачиваемые места. Это совершенно дикая, невозможная ситуация для общества. Мне кажется, что и псевдообразование, и коррупционные явления в этой сфере возникают потому, что люди, остающиеся в образовании, перестают себя уважать.

Преподаватель в Москве или в Питере, при базовой зарплате в 5 тыс. рублей (в успешном вузе — в 8–10) должен зарабатывать свои \$800–1000. В регионах «императив дохода» ниже, но в любом случае преподаватель должен зарабатывать что-то ещё. И что ему делать? Он превращается в почасовика, у него объективно не остаётся времени на занятия исследованиями (не оплачивается), на дополнительную работу с учащимися (не оплачивается) и т.п. В итоге преподаватель теряет родовое отличие творческого человека — он начинает работать ради денег.

Наиважнейшая цель сегодня — сохранение инновационной части образования, обеспечивающей развитие самого образования и экономики в целом. Это

авторские школы и просто хорошие учителя, которые творчески работают в каждом городе. Это университеты, которые достойны звания университетов, потому что в них занимаются наукой. Таких в стране примерно четвертая часть — около 150. Из них не больше 25–30 имеют достаточно ресурсов, чтобы обеспечивать исследовательскую инфраструктуру, исследовательскую среду, в которую при желании может войти любой студент.

Авторские школы должны получить большие гранты, присуждаемые на конкурсной основе. И педагоги-новаторы должны выделяться из общего ряда, иметь организационно-финансовые права на эксперименты и ресурсы на их проведение.

Больше 15 лет в России на это не хватало бюджетных средств, бюджет сводился с дефицитом. Тогда свободную нишу поддержки новаторов заняли международные благотворительные фонды, в первую очередь фонд Сороса. Вспомните: были соросовские учителя, соросовские доценты. Вот Сорос ушёл, и всё кончилось. Что же мы, при доходах бюджета в \$150 млрд, при огромном профиците бюджета — такие бедные, что не можем заместить Сороса? Российское государство должно заменить Сороса для российских учителей. Это обязанность государства. В федеральной программе развития образования нужно иметь средства на конкурсную поддержку инноваций в школах, ПТУ, техникумах.

И второй сектор инноваций — университеты. Сегодня наука из массы старых вузов ушла, а в новые коммерческие — даже не заходила. Между тем именно исследовательские университеты могут стать ядром инновационных кластеров.

Поддержка инноваций имеет и другую положительную сторону. Это правильный отбор и воспитание элит. Элита — профессиональная, творческая, бизнес-элита — это те из нас, кто предлагает инновации и первыми осваивает «чужие» инновации. Общество не долж-

но жалеть усилий на отбор и денег на воспитание элит. В структурном плане это дополнительное образование школьников: кружки, дворцы молодёжи, факультативы в школах. Помимо этого — общенациональная система поиска талантливых ребят через олимпиады и конкурсы. Важно не превратить систему олимпиад в дополнение к единому экзамену, в ещё один формальный канал пропуска в высшую школу. Олимпиадное движение должно начинаться с 5, 6, 7-х классов, чтобы быть бескорыстным. Необходимы также высокие стипендии для талантливых студентов, закрепляющие их в академическом секторе рынка труда.

Есть ещё одна цель реформирования образования — обеспечить соответствие профессионального образования перспективным потребностям рынка труда. Здесь тоже есть проблемы. Одна из них — упразднение системы управления, при которой образовательные учреждения, по сути дела, сами формируют для себя государственный заказ, не неся никакой ответственности за качество обучения и трудоустройство выпускников. Преодолеть это через возрождение госраспределения советского типа, как сейчас кое-кто предлагает, — романтизм чистой воды. Действующую систему контрольных цифр может заменить только система, где решения принимают те, кто рискует. Рискуют в системе образования две стороны: учебные заведения и учащиеся. Первые — доходом и репутацией, вторые — сегодняшними деньгами на финансирование образования, недополученной сегодня зарплатой (ведь, пойдя учиться, человек отказывается от заработка) и будущей карьерой.

Система, где решения принимают те, кто несёт за них ответственность, и существует множественность центров принятия решений, — это и есть рынок. Общество должно софинансировать спрос учащихся (в условиях низких доходов основной части российских семей — не менее чем на 80–85% в основном образовании и не менее чем на 60–70% — в профессиональном) и отдельно — спрос учебных заведений на наиболее талантливых учащихся (стипендии, научные лаборатории). Замечу, что это больше, чем даёт государство сейчас.

Возможно ли в такой системе корректировать «невидимую руку рынка»? Да, существуют так называемые косвенные инструменты. Например, нужно стимулировать подготовку инженеров или врачей — государство устанавливает специальные стимулирующие доплаты для вузов и учащихся по этим направлениям.

Ещё одна проблема — сокращение срока жизни производственных и организационных технологий. Сегодня нельзя подготовить работника «на всю жизнь» и неэффективно готовить его по узкой специальности. Соответственно в базовой профессиональной подготовке растёт доля «открытых элементов» — фундаментальных знаний и умений обучаться, падает доля «конечных квалификаций». Рядом с вузами и техникумами растёт новый сектор профессионального образования — «сек-

тор тонкой настройки» или «сектор доучивания». Это различные учебные центры — независимые и при предприятиях. Объём расходов на профессиональную подготовку в отрыве от рабочего места пока невелик: 20–30 млрд рублей в год по сравнению с 400 млрд рублей затрат предприятий на подготовку собственно на рабочем месте и 300 млрд рублей бюджета основного профессионального образования.

Принцип «доучивания» простой — ничего лишнего. А прообраз таких эффективных программ появился на рынке уже 10 лет назад в виде корпоративных учебных центров, дающих конкретные квалификации за несколько месяцев. Работают в таких центрах высококвалифицированные преподаватели-практики с высокой оплатой. Соответственно и стоимость курса солидная — сотни долларов в месяц. Но если соотносить стоимость с полезным эффектом, то это будет дешевле ПТУ и техникума в 3–4 раза. Нам надо вспомнить, что цель профобразования — приобретение компетенций, учитываемых на рынке труда.

Чтобы не отстать от будущего, в базовом профессиональном образовании должны расти фундаментальный компонент знаний и роль навыков поиска и оценки информации, самообучения. Никаких других рецептов нет. Мы не можем угадать завтрашних технологий, но можем существенно сократить время на их освоение.

Конкуренция денег заменила состязание способностей

Ещё одна цель реформы — создание прозрачного и эффективного рынка образования. Образовательный рынок — это не продажа дипломов, как это у нас сложилось. Это пространство взаимного выбора учителями — учеников, а учащимися — учителей. И валюта, которая «ходит» на этом рынке, — это талант, качество и репутация. А только потом деньги. Образование, в котором

господствуют денежные отношения, нездорово.

В Советском Союзе рынок образования был в каких-то аспектах более эффективным, чем сегодня. Над вузами и школами не довлела задача «покупать деньги» в лице каждого кандидата на обучение. Были ошибки в измерении таланта или качества образования, но ошибки субъективные. А что сейчас делается? В качественных вузах два чисто денежных фильтра на входе: официальный (плата за обучение или за курсы подготовки) и неофициальный (обязательные репетиторы). Фильтр качества образования абитуриента, фильтр таланта существуют только для тех, кто эти денежные фильтры миновал. В лучшем случае это могут сделать 25% от всех выпускников школы, остальные — практически независимо от способностей — сталкиваются в «дешёвые» сектора образования и ниже — в псевдообразование.

Конкуренция денег заместила конкуренцию способностей. Опять-таки базовое условие преодоления этого — достаточное финансирование, преодоление кричащего дефицита денег в образовании.

Образование — это доверительный товар. Его качество нельзя «попробовать на зуб» или увидеть сразу. Хотя в некоторых учебных заведениях всё-таки пытаются использовать для привлечения средств родителей и учащихся. Например, в частных школах вам покажут и бассейн, и компьютеры во всех классах, и кухню отличную... Вот только учат плохо, но к этому выводу родители приходят, уже отдав деньги за год-два.

Лекарством от этой болезни может стать, во-первых, единая национальная система измерения качества, независимая от учебных заведений; во-вторых, обязательный для каждого учебного заведения «пакет» информации в Интернете — от программ и учебных планов до финансового состояния и средней заработной платы преподавателей; в-третьих, внешняя по отношению ко всей системе образования система присвоения конкретных

профессиональных квалификаций. Она должна стать делом профессиональных ассоциаций и объединений работодателей.

Источники финансирования образования

Человек желает получить конкретное образование, совершенно определённый набор знаний и умений. В противном случае происходит имитация образования, при которой учащийся проходит программу «по коридору». Финансировать его образовательный заказ могут разные лица: сам учащийся, его семья, муниципалитет, государство, иностранное государство, будущий работодатель, общественные организации, спонсоры. Их средства могут складываться. К ним также могут быть добавлены заёмные средства.

В России, где платить за полноценное образование могут только 30–40% населения и где доходы государства в большой степени формируются за счёт изъятия природной ренты, доля государственного бюджета в финансировании образования должна быть высока: 90% в «социально обязательных» секторах и не меньше 60% в системе профессионального образования. Я считаю, что даже в дополнительном образовании необходимо софинансирование государством на уровне 30–40%. Реальная же доля государственных денег в российской системе образования гораздо меньше: даже в школе это 75%, в вузах не более 40%. В дополнительном образовании (кроме переподготовки учителей и госслужащих) бюджетных денег сейчас нет вообще. Это нелегко исправить: ведь применительно к нашим образовательным потребностям денег в обществе не хватает. Дефицит бюджетного финансирования вынужденно покрывается за счёт средств семей. При этом от образования оказываются отеснёнными выходцы из семей с низкими доходами. Сам отбор учащихся искажается, ключевую роль начинают играть не способности и усилия ребёнка, а деньги родителей. Такая система, очевидно, нуждается в исправлении. Вклад государства может быть увеличен в течение ближайших пяти лет: с нынешних 3,5% от ВВП до примерно 5%, а в абсолютных цифрах почти в два раза. Это не утопическое требование, оно просчитано экономистами.

Недостаточное финансирование порождает такие явления, как имитация образования и его низкое качество. В первом случае имитаторов надо разгонять, во втором — образовательным учреждениям помогать. Люди не получают тех компетенций, которые заявлены в образовательных программах. Их обманывают в условиях явной информационной недостаточности образовательного рынка. Недавно я говорил с девушкой, которая учится на втором курсе в региональном филиале московского вуза — кстати, государственного — на менеджера. Учитесь за деньги. И ей преподают естествознание (в основном биологию), историю СССР и ещё что-то. Вот такие предметы. Их ей предлагают за \$600 в год, что по нынешним меркам считается

недорого. Но ведь после такого обучения она менеджером не будет. Её обманывают.

Есть разновидность псевдообразования, которое возникает по взаимному согласию сторон. По последним данным наших опросов, с каждым годом растёт такое явление, как покупка экзаменов, покупка дипломных работ. Люди платят не за то, чтобы освоить определённые компетенции, а за то, чтобы просто «пройти» образовательную программу. Это покупка титула образования вместо получения компетенции.

Различные варианты финансирования широко обсуждаются. Один из них — «китайский путь». Предполагается оставить у федерального центра самые лучшие вузы, дать им достаточные деньги для конкуренции на международном рынке, а оставшиеся средства сбросить на регионы. Захотят регионы возвращать свою интеллигенцию — пусть собирают деньги и наполняют бюджеты. Не захотят — их внутреннее дело. Очевидно, что это путь резкого сокращения охвата населения высшим образованием и концентрации основных ресурсов на лучших проектах: крупные университеты в крупных городах, крупные школы в центрах сельских районов.

Я считаю, что этот путь для России невозможен и неприемлем. Мы социально и политически не готовы к таким решениям. Одно дело — ограничивать доступность образования для семей, в которых родители малограмотны, другое дело — у нас, где они получили общее среднее образование, где почти треть взрослого населения имеет высшее образование.

Полагаю, что сокращение финансирования может происходить только за счёт отсеечения гнилых участков, очагов псевдообразования, но никак не за счёт «отлучения» секторов, в которых реально происходит образование. Есть реальная возможность сократить существующую систему образования на 30%. Около половины — за счёт сокращения псевдообразования (да, конечно, оно больше, но какую-то часть можно восстановить, то есть сделать снова образованием). Около 15% от этой трети сокращается вследствие естественного демографического снижения количества людей. В 2010 году только 75% от числа нынешних студентов придёт в вузы, в 2013 году — ещё меньше. Это очень большой спад, дающий обществу возможность концентрировать ресурсы на меньшем количестве обучающихся.

Второй источник финансирования — увеличение доли бюджета на образование. Считаю, что бюджет может и обязан дать в образование больше денег, чем он даёт сейчас. Сегодня в образование направляется около 3,5% валового внутреннего продукта по сравнению примерно с 6% процентами, которые туда направлялись во времена советской власти. Потенциал для повышения бюджетного вклада в образование в 1,5 раза как минимум (в долях ВВП) у нас есть. Считаю, что общество (а не только образовательная система) должно за это бороться, в том числе — политически, потому что в государстве существует конкуренция за бюджетные ресурсы. Без выразительной

картины провалов в образовании, национальных угроз, которые возникают от этих провалов, мы никогда не докажем ни президенту, ни министру финансов, что на выправление ситуации необходимы такие большие ресурсы (к 2010 году прирост финансирования должен составить около \$15 млрд).

Рост финансирования в 1999–2004 годах был. Он шёл от 25% реального прироста в 1999 году до 10% в последние годы. Это приличный прирост. Но перед руководством страны не ставился политически жёстко вопрос о том, что у нас происходит вырождение образования и что за это придётся отвечать и политическому руководству, и руководству отрасли.

Если сложить эффекты от демографического спада, ликвидации псевдообразования и роста бюджета в два раза, то средств на исправление ситуации в образовании будет всё равно недостаточно. Они составят только 60–65% от необходимого. Следовательно, нужно использовать ещё один канал: расширение участия общества, семейного бюджета в финансировании образования. Отношение специалистов к такому решению неоднозначно. Считаю, что коллеги, поднимающие вопрос о риске такого рода источников, абсолютно правы. Но чтобы не потерять образование как систему, способную к воспроизводству и обладающую механизмами саморегуляции, хороши любые средства. И если выбор таков: потерять образование вообще или сохранить его ядро, но ещё сильнее усугубить складывающееся в обществе неравенство, — я выбираю второй путь. Сохраним образование — на следующем этапе будет возможность открыть к нему доступ для всех, вытеснить частные фонды общественными.

Для России образование, которое полностью оплачивается из общественных источников, лучше, чем оплачиваемое частными лицами. Здесь важно учитывать два фактора. Первый — значительная доля общественных ресурсов

не собирается равномерно со всех граждан, а поступает в качестве взимаемой природной ренты с узкой группы предприятий. Второй — наше общество социально неоднородно, средний класс — самодостаточные люди — в нём ещё не преобладает (по разным оценкам, его доля составляет от 25 до 35%). Две трети населения России зависят от государства, не имея возможности самостоятельно финансировать своё образование и здравоохранение. По нашим опросам, 45% населения России — это больше, чем самые оптимистичные оценки размеров среднего класса, — готовы платить значительные средства за высшее образование своих детей. Но средств у почти половины этих людей недостаточно, без помощи государства они купят плохое, некачественное образование.

Зловредное деление на «чистых» и «нечистых»

В 2004 году школы получили из бюджета 313 млрд рублей, а семьи затратили на обучение своих детей 103 млрд. Две трети этих денег — это так называемые «сопутствующие расходы»: приобретение учебников, школьной формы, проезд до школы, оплата компьютера и Интернета, финансирование экскурсий, вечеров и т.д. Одна треть уходит на оплату собственно образования. Это меньше 10% от всех ресурсов школ. Сравните: в техникумах семьи дают 36%, в вузах — 54% ресурсов. Даже в детских садах доля вклада родителей выше — почти 20%.

Сегодня экономика школы организована следующим образом. В городской школе есть бюджетные деньги из расчёта около \$400 в год на одного учащегося. Деньги совершенно жалкие. Есть деньги, которые собирают родители, — это примерно \$70–100 в год на одного учащегося. Эти цифры варьируются по городам. В малых городах почти ничего не собирают, а в Москве удаётся собрать в 2 раза больше, чем даёт государство. Сейчас ставится вопрос о том, чтобы ввести так

называемую систему «75 на 25». Это когда 75% учебного времени отдаётся под базовый план, финансируемый государством в том же объёме, что и ранее, а 25% — на свободный рынок, чтобы школа предлагала родителям учащихся платные курсы. При условии, что все люди понимают — за образование надо платить, предлагается таким образом решить экономические проблемы школы.

Но это решение будет также способствовать быстрой сегрегации школ. Она и так уже идёт: хорошие преподаватели сосредоточены в эффективных школах, где работают предприимчивые директора, собирающие большие деньги у родителей; туда же сходятся и родители, имеющие возможность эти большие деньги заплатить. И вместо механизма социального перемешивания (эффективно работающего, например, в США), вместо равного старта, коллективизма, который должна воспитать школа, у нас рождается школа как механизм социального обособления.

И не случайно, что за последние 5–10 лет во всех крупных городах сложились образовательные системы, в которых есть школы «приличные», а есть школы «неприличные». И они, к сожалению, комплектуются уже даже не по интеллекту учащихся, а по доходу их родителей. В таком деле нужно проявлять чрезвычайную осторожность! Я бы трижды подумал перед тем, как пускать в школу официальные коммерческие курсы, официальные деньги родителей. Если две трети класса будет ходить на занятия, а треть не будет, потому что у их родителей нет денег, — это тяжелейшая социальная несправедливость. Мне кажется, что сегодня у российского общества есть ресурсы для решения этой проблемы. Можно частично восполнить нехватку средств деньгами федерального бюджета, регионального бюджета, местных бюджетов. По расчётам, на финансирование общеобразовательной школы придётся дополнительно направить примерно \$8 млрд.

Школа сейчас находится в очень тяжёлом положении, и добирать в неё родительские деньги можно и нужно, но лишь после того, когда общество выполнит перед ней свои прямые обязательства. Базовые условия — это \$500 зарплаты в месяц учителю. Только тогда у него хватит разума на эти платные курсы детей из бедных семей приглашать за свой счёт. Отец Софьи Мармеладовой у Достоевского говорил: «Бедность не порок, но нищета — порок». Когда человек находится в состоянии нищеты, у него нет возможности проявить великодушие. И для того, чтобы прокормить свою семью, ему надо успеть позаниматься с Васей, Петей, Колей, чьи мамы ему платят, и приехать ещё в другую школу, где он работает на полставки.

Это не бедность. Российская школа всегда была известна бедностью. Но бедность — не помеха великодушным поступкам. Вместо белого хлеба можно есть чёрный, но уж книжку учитель всегда покупал, и с хорошим учеником после уроков он оставался и объяснял ему устройство Вселенной, потому что ему самому это было интересно. А когда учитель не может про-

кормиться, то во многих случаях это уже не тот учитель, которому интересно.

Есть три пути исправления ситуации с недостатком финансирования общеобразовательной школы. Первый — выделить учителей и медиков как приоритетную группу бюджетников, увеличить им зарплату не в два, а в три раза. Это, пожалуй, максимум того, что может сегодня потянуть бюджет. Ведь работники образования и здравоохранения вместе составляют 40% бюджетников. Плюс к этому — через введение отраслевых систем оплаты труда — увеличить дифференциацию между собственно преподавателями и обслуживающим персоналом (в здравоохранении, кстати, так не получится: кто лежал в клинике, понимает, как много зависит даже не от медсестры — от нянечки). В совокупности эти меры дадут школьному учителю 90% от средней зарплаты по стране, вузовскому преподавателю — 120–130%. Это как если бы сегодня они получали 7200 и 10 000 рублей в месяц соответственно. Для учителя это немного, для доцента вуза — откровенно мало. Контракт между обществом и учителем не восстанавливается.

Второй путь — перейти на новые формы экономических отношений в образовании, весь прирост бюджетных денег направить по каналам нормативного подушевого финансирования, а учебным заведениям снять все ограничения, регламентирующие численность и зарплату персонала. Кроме одного — законом должна ежегодно устанавливаться минимальная зарплата преподавателя на полной ставке. По нашим оценкам, это дополнительно даст 2–3 тысячи рублей в месяц каждому работающему учителю за счёт экономии на ставках, без заполнения которых можно обойтись. Плюс стимулирует конкуренцию между учебными заведениями за учеников, что само по себе приведёт к повышению качества работы.

Третий путь — это привлечение частных средств. За счёт взносов платёжеспособной части родителей можно увеличить бюджеты школ в 1,5–2 раза и соответственно поднять зарплату учителей ещё на 5–7 тысяч рублей в месяц. Вместе с приростом бюджетных средств это может обеспечить желаемый рост зарплаты учителя до 15 тыс. рублей в месяц.

Но это в среднем по стране, важно же видеть детали. Успешная школа в крупном городе может собрать с родителей в 2–3 раза больше денег, чем ей даёт бюджет — в точности так же, как успешные вузы. Но рядовая школа в рабочем посёлке соберёт в лучшем случае 30% от своего бюджета. И другая дифференциация, связанная с материальным положением семей: как быть с теми учащимися, чьи родители не могут или не хотят платить за дополнительные занятия?

Выходом из этой ситуации может стать возвращение к системе факультативов в школах. Необходимо выделить бюджетные средства для компенсации стоимости этих факультативов тем учащимся, чьи семьи не способны платить. Это примерно \$2 млрд в год — огромные деньги, но меньшие, чем \$5–6

млрд, которые пришлось бы доплачивать «за всех». Зато состоятельные родители не только принесут в школу \$3–4 млрд — они начнут присматривать за качеством занятий, начнут спрашивать со школы. Это не менее важно.

Если мы реально увеличим зарплату учителям до 8–9 тысяч к 2008 году, то к 2010 году, при условии продолжения этой бюджетной политики, можно рассчитывать на увеличение их зарплаты за счёт бюджетных средств до 15 тысяч.

На уровне профессионального образования другая ситуация: мы уже не сможем получить больше, чем получаем сейчас. Ресурсы семей по отношению к профобразованию перенапряжены.

В этой ситуации может помочь развитие образовательного кредитования, позволяющего заимствовать свободные средства других людей. У меня есть деньги, но нет потребности купить холодильник, а у вас есть потребность в холодильнике, но нет денег. Я вам даю через банк эти деньги, вы не знаете, кто вам одолжил их, но это я. У меня уже есть холодильник. Вот то же самое и с образовательным кредитом. Система образовательных вкладов должна помочь решению проблемы финансирования в системе профобразования.

Рынок труда и образования

Высшая школа экономики проводит исследования рынка труда. Впервые в этом году по заказу Минобрнауки мы провели исследование стратегий работодателей в отношении найма работников. Получены первые данные по спросу на тех или иных работников. Можно сделать публичными результаты этого опроса, и это будет сигналом — где есть дефицит рабочей силы, где есть платёжеспособный спрос предприятий. Но ведь это — сейчас, а учиться нужно 5–6 лет. Мы пока не способны прогнозировать, что будет через 10 лет, когда школьник станет взрослым человеком и сможет зарабатывать деньги. Потому

система образования — во многом система доверительного измерения. Человек, который сегодня идёт учиться, пытается сформировать себя не как работника с законченной квалификацией, а как человека, способного эти квалификации приобретать. Поэтому образование сегодня обретает всё более и более фундаментальный характер.

«Экономика трубы» не способна создавать добавленную стоимость ни в каких секторах, кроме тех, в которых добавленную стоимость за неё создаёт природа. Сегодня примерно половина доходов государства создаётся этой самой «трубой». И важно использовать период благоприятной конъюнктуры цен на традиционные энергоносители, чтобы вырастить те отрасли национальной экономики, которые будут приносить доход от продаж на мировом рынке через 20—30 лет. Необходимо трезво смотреть в будущее. Я думаю, мы не сможем конкурировать на завтрашних рынках машиностроительной продукции и лёгкой промышленности. В этом нет ничего обидного — Европа тоже не может. У Китая и стран Юго-Восточной Азии тройное преимущество перед нами в цене квалифицированного труда исполнителей.

Сфера нашей конкурентоспособности на мировом рынке — это интеллектуальный труд, творческий труд, «заточенный» на порождение нового. Надо обеспечить эффективную работу системы, формирующей «человека творческого» — в первую очередь системы образования.

Надо, кроме этого, сформировать инфраструктуру инновационного малого бизнеса, предоставить ему гранты и кредитные линии для старта новых предприятий, правовую защиту, маркетинговые услуги.

По заказу Минсвязи мы проводили исследование малых предприятий четырёх секторов новой экономики: информационных технологий, науки, интеллектуальных услуг и обучения. Результат впечатляет: почти 40% этих предприятий работают на международном рынке! Значит, наша потенциальная конкурентоспособность очень высокая.

Инновационный потенциал создаётся связкой «университеты — поддержка старт-апов». Сейчас у нас в систему высшего образования приходит 1,2 млн человек из 2,2 млн людей одного года рождения. Ключевая задача реформы — обеспечить хотя бы для половины из них настоящее университетское обучение. Сейчас мы можем говорить лишь о 10% студентов, получающих нормальное университетское образование.

Есть задачи, которые нужно решать уже на уровне школы. Дети должны получить навыки коммуникации (компьютер, русский и английский, presentation skills). У них необходимо развить умение отбирать и оценивать информацию.

Реформа школы должна быть направлена на создание условий для адаптации учащихся к инновационному рынку. Если человек умеет самостоятельно искать новое, то он сможет добиться успеха в инновационной экономике. **НО**

